

Слушай „Аиду“

Среди новогодних пожеланий наших читателей была и просьба тов. БЫКОВОЙ чаще помещать в газете рецензии на спектакли театра «Эстония», в частности, ее интересовала постановка оперы «Аида». Сегодня мы выполняем, тов. Быкова, Вашу просьбу.

Постановка оперы Джузеппе Верди «Аида» — одной из вершин мировой оперной классики — пробный камень художественного мастерства для любого оперного театра. Справиться с этой сложной, монументальной и грандиозной постановкой — значит, одержать большую творческую победу.

«Аида» не впервые идет на эстонской сцене. Начало ее сценической истории связано здесь с периодом становления музыкального театра. Сорок два года назад, в 1923 году энтузиасты оперного искусства во главе с режиссером К. Юнгхольцем и дирижером А. Каппом взяли за постановку «Аиды», стремясь доказать жизнеспособность оперных спектаклей в Эстонии. И доказали — за месяц опера выдержала 13 постановок, ее слушали 11.066 человек. В тех условиях это был грандиозный успех. В этом спектакле участвовали тогдашние корифеи — основоположники эстонской оперы: Аида — О. Олак-Микк, Амнерис — Х. Эйнер, Радамес — К. Отс, Рамфис — Б. Ханзен, Амонасро — К. Вийголь. Можно с уверенностью сказать, что постановка «Аиды» на первом этапе развития эстонского оперного театра была одним из самых крупных достижений.

Несколько лет назад оперу поставил театр «Ванемуйне», а сейчас «Аида» снова на сцене — в театре «Эстония».

Бессмертие «Аиды» прежде всего обеспечили исключительной красоты музыка, глубокое, полное драматизма содержание оперы.

Воплощение многоплановых характеров действующих лиц, постановка монументальных массовых сцен со сложным сплетением драматургических линий — все это требует серьезной и вдумчивой работы. Нужно отдать должное Пауло Мяги: он успешно справился с весьма сложными задачами. Спектакль «Аида» оставляет в целом хорошее впечатление, захватывает зрителей. Можно перечислить немало ярких, интересно решенных сцен. Среди них — картины в храме Вулкана и на берегу Нила.

Характеры героев этой оперы многоплановы. И поэтому особенно хочется отметить, что в постановке в основном удачно разрешены духовные поединки Аиды, Амнерис и Амонасро, имеющие решающее значение в развитии драмы.

Особенно трудна для постановки

сцена триумфального шествия. В этой монументальной, как фресковая живопись, картине декоративность должна сочетаться с глубиной внутреннего содержания. В этой сцене сходятся борющиеся драматургические линии: жрецы, олицетворяющие слепую, губящую людей силу фанатизма; страстный патриот родины Амонасро, образ, обогащающий оперу темой борьбы против национального угнетения; конфликт между основными героями — Аидой, Амнерис, Радамесом. Постановщик, исполнители успешно преодолели трудности, хотя отдельные детали, может быть, и вызывают замечания.

Прежде всего, как кажется, не совсем удачно расположен на сцене хор жрецов. Жрецы, по существу, в каждом акте ведут действие, подготавливая трагическую развязку. И в этой картине они должны предстать как могучая сила, сталкивающаяся с гуманными устремлениями Радамеса и намерениями народных масс. В руках жрецов власть — отсюда их сила.

Из-за акустических свойств театрального зала, из-за маленькой сценической площадки хор жрецов оказался малочисленным, некомпактным, и требование смерти пленникам звучит без должной силы и убедительности. И следует

ли изображать эфиопских пленников, их вожда в виде каких-то воровато оглядывающихся дикарей? Они ведь были довольно грозной силой для Египта. В исполнении Тийта Куузика Амонасро предстает как мужественный, властный и гордый военачальник, владыка Эфиопии. Но если Куузик показал образ волевого патриота, то Георг Отс более близок к диковатым пленникам, он как-то открыто показывает свою враждебность к победителям, в нем мало гордости властелина. И зачем эта нелепая кость в нодре — он же не какой-нибудь каннибал? Такой Амонасро слишком контрастирует с образом своей дочери Аиды.

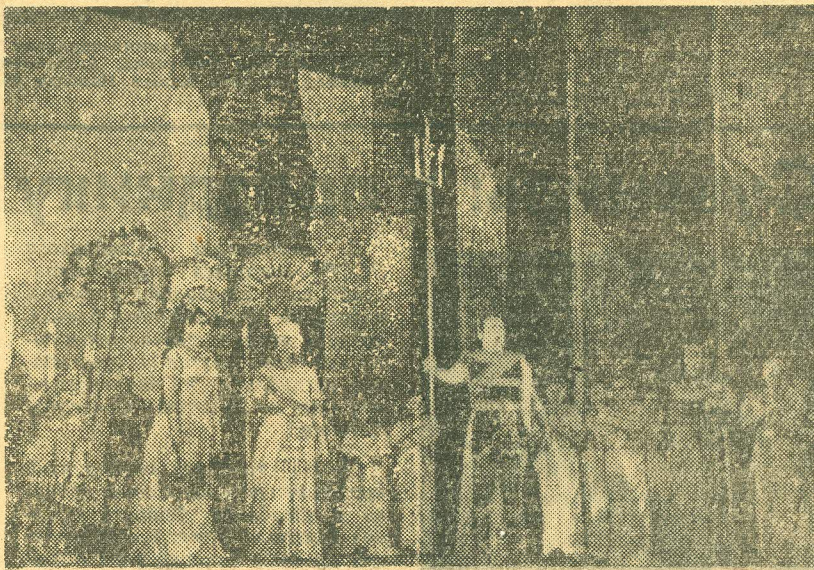
Нельзя согласиться с тем, что Радамес и Амнерис в картине суда поют прямо «в публику», — это мешает артистам в полной мере передать смену чувств у героев. Думается, не совсем правильно и то, что Амнерис появляется только в конце финала. Эта женщина любила Радамеса, и естественно было бы видеть, как оплакивает она его на могиле.

Очень сложна и ответственна роль Аиды. Как же исполняют эту роль артистки театра? Надо сказать, что опытная певица Айно Кюльванд уловила широту диапазона чувства и переживаний Аиды и создала убедительный сценический образ. Аида в исполнении молодой певицы Тийны Яаксоо выглядит бледнее. Артистка хорошо справляется с вокальной стороной партии, но ей мешает некоторая скованность сценического поведения.

Надо сказать, что сцены, предстает как холодная, и надменная женщина, уходят неплохо. А любящий получается у Яаксоо слабым замедленного темпа в момент действия молитва Аиды страдает страстности. Холод остается Аида — Яаксоо и Радамесом на берегу Нила.

Роль дочери фараона поют Урве Таутс и Лидия. Обе певицы хорошо справились с вокальной стороной партии. Многогранный характер требует и глубоко прочувствованного сценического воплощения. Амнерис нельзя показывать как дочь фараона, который ствен царственный облик, глубоко чувствующая, с хом, страдающая женщина, к которой подходит к этой роли. Амнерис — Урве Таутс страстна, в ней чувствует что-то хищное, особенно в Аидой. В сценах с Радамесом величава, и только в картине прорываются чувства Амнерис. Лидия Панова раскрывает для однопланово — ее гетя в музыке, характеризует Амнерис, много страстной женственности, особенно в сцене с Радамесом, — до конца холодной и надменной дочерью фараона. Думается, что и Панова должны обратить внимание на картину суда. Бе за жизнь Радамеса Амнерис держивает и вдохновляет. Это чувство заставляет умолять Радамеса защищать надежды переходят в отчаяние, — в проклятие убийцам. Эту гамму сложившихся чувств обе певицы раскрывают недостаточно полно.

Образ Радамеса, хотя в сценическом плане и родственен образу еще мужественным чертами. Он полководец — властный, ответственный. Певец Хендрикс исполнитель этой роли, прекрасными вокальными данными. Но в его Радамесе преобладает романтическое начало. Романс действия, где Радамес предстает как воин, мечтающий о походе, как любящий человек, и медленного темпа кажется недостатком страстности, мужественности. Не чувствуется и сцены честного воина в картине на берегу Нила, когда Радамес понимает, что совершил преступление. Зато очень удался певучий дуэт, где раскрывается высокая чистота и душевная чистота погибающих героев.

Сцена из первого действия оперы «Аида».

Фото Г. Вайдла.

Ушная „Аиду“

По совету
ЧИТАТЕЛЯ

ших читателей была и просьба тов. рецензии на спектакли театра совала постановка оперы «Аида». ва, Вашу просьбу.

сцена триумфального шествия. В этой монументальной, как фресковая живопись, картине декоративность должна сочетаться с глубиной внутреннего содержания. В этой сцене сходятся борющиеся драматургические линии: жрецы, лицемерно слепую, губящую людей силу фанатизма; страстный патриот родины Амонасро, образ, обогащающий оперу темой борьбы против национального угнетения; конфликт между основными героями — Аидой, Амнерис, Радамесом. Постановщик, исполнители успешно преодолели трудности, хотя отдельные детали, может быть, и вызывают замечания.

Прежде всего, как кажется, не совсем удачно расположен на сцене хор жрецов. Жрецы, по существу, в каждом акте ведут действие, подготавливая трагическую развязку. И в этой картине они должны предстать как могучая сила, стелющаяся с гуманными устремлениями Радамеса и намерениями народных масс. В руках жрецов власть — отсюда их сила.

Из-за акустических свойств театрального зала, из-за маленькой сценической площадки хор жрецов оказался малочисленным, некомпактным, и требование смерти пленникам звучит без должной силы и убедительности. И следует

ли изображать эфиопских пленников, их вождя в виде каких-то воровато оглядывающихся дикарей? Они ведь были довольно грозной для Египта силой. В исполнении Тийта Куузика Амонасро предстает как мужественный, властный и гордый военачальник, владыка Эфиопии. Но если Куузик показал образ волевого патриота, то Георг Отс более близок к диковатым пленникам, он как-то открыто показывает свою враждебность к победителям, в нем мало гордости властелина. И зачем эта нелепая кость в ноздре — он же не какой-нибудь каннибал? Такой Амонасро слишком контрастирует с образом своей дочери Аиды.

Нельзя согласиться с тем, что Радамес и Амнерис в картине суда поют прямо «в публику», — это мешает артистам в полной мере передать смену чувств у героев. Думается, не совсем правильно и то, что Амнерис появляется только в конце финала. Эта женщина любила Радамеса, и естественно было бы видеть, как оплакивает она его на могиле.

Очень сложна и ответственна роль Аиды. Как же исполняют эту роль артистки театра? Надо сказать, что опытная певица Айно Кюльванд уловила широту диапазона чувства и переживаний Аиды и создала убедительный сценический образ. Аида в исполнении молодой певицы Тийны Яаксоо выглядит бледнее. Артистка хорошо справляется с вокальной стороной партии, но ей мешает некоторая скованность сценического поведения.

Надо сказать, что сцены, где Аида предстает как холодная, ревнивая и надменная женщина, у Яаксоо выходят неплохо. А любящая Аида получается у Яаксоо слабее. Из-за замедленного темпа в монологе первого действия молитва Аиды лишается страстности. Холодной остается Аида — Яаксоо и в сцене с Радамесом на берегу Нила.

Роль дочери фараона Амнерис поют Урве Таутс и Лидия Панова. Обе певицы хорошо справляются с вокальной стороной партии. Но многогранный характер Амнерис требует и глубоко прочувствованного сценического воплощения. Амнерис нельзя показывать только как дочь фараона, которой свойствен царственный облик. Это глубоко чувствующая, сильная духом, страдающая женщина. Артистки подходят к этой роли по-разному. Амнерис — Урве Таутс более страстна, в ней чувствуется даже что-то хищное, особенно в сценах с Аидой. В сценах с Радамесом она величава, и только в картине суда прорываются чувства Амнерис. Лидия Панова раскрывает образ более однопланово — ее героиня, хотя в музыке, характеризующей Амнерис, много страстной, гордой женственности, особенно в сценах с Радамесом, — до конца остается холодной и надменной дочерью фараона. Думается, что и Таутс и Панова должны обратить особое внимание на картину суда. В борьбе за жизнь Радамеса Амнерис подерживает и вдохновляет ее любовь. Это чувство заставляет ее умолять Радамеса защищаться. Ее надежды переходят в отчаяние и, наконец, — в проклятие жрецам-убийцам. Эту гамму сложных, противоречивых чувств обе певицы пока раскрывают недостаточно убедительно.

Образ Радамеса, хотя в лирическом плане и родствен Аиде, обладает еще мужественными, героическими чертами. Он египетский полководец — властный и величественный. Певец Хендрик Крумм, исполнитель этой роли, обладает прекрасными вокальными данными. Но в его Радамесе преобладает лирическое начало. Романс первого действия, где Радамес предстает и как воин, мечтающий о подвигах, и как любящий человек, из-за замедленного темпа кажется лишенным страстности, мужественной силы. Не чувствуется и самоосуждения честного воина в картине на берегу Нила, когда Радамес осознает, что совершил преступление. Зато очень удался певцу финальный дуэт, где раскрывается нравственная чистота и душевная красота погибающих героев.

Параллельно с Х. Круммом в роли Радамеса будут выступать Калы Караск и Александр Пюви, которые, несомненно, внесут новые краски в сценический образ.

Величествен и убедителен образ верховного жреца — в исполнении Тэо Майсте и Уно Крэна. Певец А. Линнамяги, исполняющий роль фараона, к сожалению, очень скован в движениях, да и вокальная сторона партии порой страдает недостаточной интонационной чистотой.

Пока еще рыхловаты хореографические номера спектакля. Балетмейстер Май Мурдмаа наскоро переложил первоначальную неудачную постановку двух ритуальных танцев. И они, конечно, требуют доработки. Отсутствие «танца маленьких рабов» оправдано — по существу, этот танец только затягивает действие.

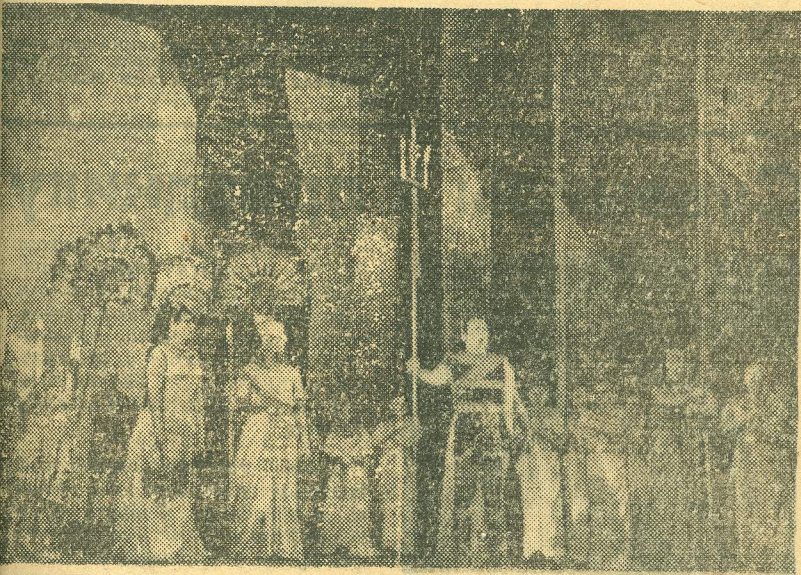
Несколько слов об оформлении спектакля. Художник Эльдор Рентер вполне заслуживает аплодисментов, которыми публика неизменно сопровождает открытие занавеса перед третьей, пятой и шестой картинами. Но все же, думается, можно согласиться и с мнением художника-декоратора гастролировавшего в Таллине Каирского кукольного театра, египтянки Наглы Раффат, что колорит архитектурных деталей слишком темен. На этом фоне несколько проигрывают костюмы, очень стильные и удачные.

Много поработали дирижер Неэме Ярви и главный хормейстер Уно Ярвела. Оркестр и хоровые партии звучали замечательно. Только в начале картины суда хотелось бы слышать в музыке более яркое звучание мотива жрецов, несущих в этой картине очень важную драматургическую нагрузку.

Общепринято восторгаться хорошей, удачной постановкой и лишь мимоходом отмечать ее недостатки. Если здесь больше говорится об упущениях, то только из-за желания в совершенной красоте не видеть ни малейших изъянов. В целом спектакль очень удачен. Он является, несомненно, творческой победой коллектива театра. Зритель уходит после спектакля, охваченный каким-то светлым, возвышенным чувством, словно он услышал чудную песню о весне, юности, о великой, чистой любви.

«Аиду» многие слушают снова и снова. Любителей хорошей музыки у нас много.. Попробуйте-ка достать билет на этот спектакль — нелегко!

Ф. РАНДЕЛЬ.
Музыковед.

Сцена из первого действия оперы «Аида».

Фото Г. Вайдла.